

Железный Будда

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Никита
Тимошенко

18+

Никита Тимошенко
Железный Будда

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Тимошенко Н. А.

Железный Будда / Н. А. Тимошенко — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

На помпезной и даже пафосной дверной табличке значилось: «Президент Роисской Федерации Владислав Владиславович Путный». Пётр пришёл к нему, чтобы предложить способ править не просто пожизненно, а вечно. Для этого нужно всего лишь принять буддизм. Ему, президенту, и всей стране. Содержит нецензурную брань.

© Тимошенко Н. А., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

*Все вы идёте к истине различными путями,
а я стою на перекрёстке и ожидаю вас...
Будда Шакьямуни*

***

На помпезной и даже пафосной дверной табличке значилось:

«Президент Роисской Федерации
Владислав Владиславович Путный».

Пётр стоял у двери в ожидании аудиенции. Его взгляд уже в который раз за долгую карьеру упёрся в табличку, но только сейчас ум углубился в бессмысленность этих буквосочетаний:

«Как любопытно, – сама собой промелькнула через ум мысль. – Почему-то обычно в официальных текстах сперва пишут должность, а потом ФИО. Словно должность первична, а социальная роль и определяет человека... Конечно, во многом так и есть... Но должно ли так быть?... Хотя в любом случае ни должность, ни ФИО ровным счётом ничего не говорят о сути человека. Не слова, а шифр. Не табличка, а ярлык. Всего лишь ярлык, которому уделили чуточку больше внимания и не поленились переименовать... Новая папка... Новая папка (2) ...».

Бывает же так, что мысли сами приходят на ум. Если бы человек в полной мере был хозяином своего разума, он бы контролировал каждую мысль. Мозг бы тогда не пережёвывал без остановки жвачку внутреннего диалога, словно корова в поле, жующая, не останавливаясь. Но результат её жевания – молоко. А что результат обжигания ментальной жвачки? Ментальный гастрит? Или ментальный аппендицит, если время от времени проглатывать этот баблгам мыслей? Если бы человек в полной мере был хозяином своего разума, мозг не устраивал бы для самого себя этот мелодраматический моноспектакль с элементами порно-хоррора. Если освободить мозг от этой холостой работы, разум от скуки цепляется за любую табличку и реагирует на неё любой занятной мыслью.

Пётр отлично знал это. Потому не переживал о встрече с особой, августейшей в республиканском государстве. А просто скользил взглядом по знакомому коридору в поисках незнакомых мыслей. Вернувшись к той же табличке, он вновь поймал себя на неожиданных размышлениях:

«А почему, интересно, Владимир – это Вова или Володя, а Владислав – это Влад? – Пётр даже почувствовал, как его брови совершили пике к переносице. – Ведь оба имени про владение. Просто про разное... Кто вообще придумал эти сокращения?... А слова вообще?».

К счастью для Петра, эти его мысли оборвал скрип дверной ручки. «Могли бы и смазать, всё-таки кабинет президента» – пронеслось у него в голове. И уж лучше изумиться этой мысли, чем заплутать в дебрях филологической истории и этимологии.

В дверном проёме перед Петром застыл патриарх. Льющийся из кабинета солнечный свет очертил и подчеркнул его чрезмерный для духовного лица силуэт.

– Господи! Какое же ослепительное явление! – воскликнул Пётр, жмурясь от света и пытаясь разглядеть лицо патриарха.

– И тебе доброго дня, Пётр! – несколько не добро ответил патриарх.

– Даже не станете поучать меня о недопустимости помянуть имя Господа всуе?

– Нет. Мне польстила твоя недопустимая импульсивность.

– Пётр, мой дорогой криэйтор! – послышался голос президента. – Проходи скорее! Потом исповедуешься.

Не успел Пётр посторониться, как патриарх мягко, но неучтиво отодвинул его с пути и вышел в коридор. Криэйтор проводил его взглядом и очередной залётной мыслью:

«Не слишком ли он заботится о своём убранстве для того, кто служит Всевышнему? Разве человека, ориентированного на высшее и потустороннее, может так волновать низшее и мирское: пышные одежды, роскошные кресты, торжественные жезлы, все эти культово-окультурные фенечки и... как это там у них называется... Кокошники?... Да любой отшельник в тибетских горах, грязный, тощий и вонючий, ближе к Богу, чем любые духовные сановники. Тамошние аскеты ушли от жизни и пришли к Богу... каким бы они его ни видели. А наше духовенство карабкается вверх по службе, отдаляясь от неба. Видать, не в той стороне Бог. Или лестница не та: карьерная вместо иаковой».

Считается, что нет ничего быстрее скорости света. Но ей может дать фору скорость мысли. Всё это пронеслось в голове Петра, не успел патриарх сделать и пары шагов в сторону, а президент повторить своё приглашение. Пронеслось не столько вербально, сколько реминисцентно. Мимолётно, но не бесследно. Каждая такая мысль оставляет свой след. По нему опытный следопыт выслеживает юркие инсайты в дремучей чаще ярких осознаний.

– Добрый день, господин президент! – Пётр понимал, что заставлять ждать и повторять приглашение не стоит.

– Ты эти свои заокеанские замашки оставь нашим заклятым друзьям из Объединённых Кантонов Арменики! «Господин президент», – передразнил Петра его визави.

– Сорри... то есть прошу прощения... Добрый день, Владислав Владиславович! – поспешно поправился Пётр.

Затем мельком взглянул в большое зеркало, висящее за спиной президента и словно напоминающее, где ты, а где Он: ты – в дверном проёме президентского кабинета, а Он – в этом самом кабинете, в своём кабинете. В общем, все на своих местах.

Зеркало в ответ взглянуло на Петра его же пронзительными глазами. Не молодое и не старое, скорее, зрелое, но свежее лицо. Длинные чёрные волосы. Конечно же, крашенные. Седеть они начали ещё в универе. Традиционно яркий костюм: фиолетовый приталенный пиджак, узкие брюки в тон и белоснежные броги. Пётр всегда одевался броско. То, что на большинстве людей выглядело одиозным китчем, на нём смотрелось органичным экстерьером личности. И наоборот: то, что нормальных людей украшало и эстетизировало, его – осеряло и заурядило. Вместо рубашки и галстука – футболка с принтом. Тоже традиционно. Принт весьма грубый и диссонирующий с элегантностью образа: пиксельная каменная глыба из майнкрафта с подписью «Каменный гость». Пётр проверил значки на лацканах пиджака – его неизменные личные амулеты и обереги. На месте. Значок в виде циркуля на левом лацкане, в виде наугольника – на правом. Он ритуально поправил оба и двинулся к столу президента.

Находился он хоть и не с краю, а в центре кабинета, но в прямом смысле слова в углу. Просто помещение это по форме было не четырёхугольным, а пятиугольным. То есть абрисом походило не на квадрат или прямоугольник, а на домик, беззастенчиво нарисованный ребёнком без особых художественных дарований.

Пётр пожал руку вождя, но сесть отказался.

– Нужно принять буддизм! – без прелюдии и риторических экзерсисов заявил Пётр.

– Какой ещё буддизм? Кому, тебе?

– Желательно тибетский. И не мне, а всем нам. Всей стране.

Президент давно перестал удивляться идеям Петра. Не потому, что со временем они стали заурядными. А потому, что удивляет нечто, выходящее за границы обыденности и нормальности. В этом смысле Пётр жил за границей. Более того, без каких-либо виз, как контрабандист, переводил за кордон кого пожелает. Необычные и ненормальные идеи были его работой. А работа – это повседневность. Что в ней может быть удивительного? Цирк – волшебство и феерия для зрителей, но не для артистов.

– Чтобы что? – спокойно спросил президент.

Этому вопросу его научил Пётр. Лучший вопрос. На него невозможно ответить расплывчато или абстрактно – это будет звучать нелепо и неубедительно. Он беспристрастно и скрупулёзно препарирует суть.

– Чтобы гарантировать вам не просто пожизненное, а вечное правление страной.

Эти слова уже не могли не впечатлить и не отозваться. Было заметно, что президенту стоит титанических усилий не выказать своего воодушевления. Однако крошечная деталь его всё же выдала: он сложил руки в замок и едва заметно начал потирать их.

– Продолжай!

– Подходит к концу последний допустимый законом срок вашего правления. Уже Конституцию неуклюже постарались переписать. Уже уважаемых ветеранов и космонавтов в стране не осталось, чтобы восхвалять и тем пролонгировать власть лидера. Нужен радикальный и действенный метод. Не просто растягивать правление на остаток жизни, в конце каждого срока делая вид, что его окончание нежданная и несвоевременная нелепица. Не просто жонглировать нормами закона и тасовать колоду фактов. Нет! Фокусы престижиджитатора восхищают, пока зрители не понимают их и не замечают обмана. Пardon за прямоту, но магия уже почти рассеялась, чары спадают. Пора околовывать чем-то новеньким, неожиданным и непостижимым.

– И в чём же волшебство твоей задумки? – Владислав Владиславович сосредоточенно внимал, по-прежнему напряжённо держал себя в руках и потому не многословил.

– Для начала найти предлог принятию буддизма. Что угодно: новые архивные документы, переориентация на восточных соседей и партнёров... Во! Между делом можем подчеркнуть, что буддизм – самое миролюбивое вероисповедание, а значит, Роиссия типа завязывает с милитаризмом и мировой конфронтацией... Кинуть вермишель на вентилятор СМИ несложно. Пахнуть будет вкусно. И плевать, что есть невозможно. Потом приправить доведённые до готовности мозги масс специальной кондитерской пудрой – и всё! Bon Appetit!

– Ты меня кулинарии не учи. Я сам повар со стажем. Ты идею раскрывай.

– Краеугольный камень, на котором зиждется моя идея, – это буддистская концепция перерождения. Понятие едино для всех ветвей учения. Но только тибетский буддизм догадался использовать его в административных целях: сделать своего духовного и по совместительству политического лидера бессменным тулку, то есть перерожденцем. Это формально и с нашей житейской точки зрения нынешний Далай-лама – новый самостоятельный человек, отдельная личность. А с точки зрения традиции, Его Святейшество – чёрт-те какое воплощение бодхисатвы Авалокитешвары.

– А я тут при чём? – нетерпеливо перебил президент.

– Обнаружим в вас ещё какого-нибудь бодхисатву. Их в буддизме целый пантеон. Освоите технику перерождения. При должном усердии – это не сложнее, чем подтасовка выборов. Даже легче: тут всё зависит только от вас. А ваша мощная школа дисциплины и воли сослужит вам добрую службу. И не к такому в учебке готовили, насколько мне известно.

– Понятно, для чего это нам. Но для чего это народу? – президент заметно расслабился и даже откинулся в кресле.

– Признаться, не ожидал от вас такого вопроса. Но мотивировать это можно чем угодно. Хоть, например, благом народа. Экономика и развитость стран давно измеряются не только ВВП и количеством ресурсов. Всё большее значение приобретает индекс счастья. Традиционно он выше у последователей буддизма – приятное побочное следствие мировоззрения. Да, первая благородная истина Будды презюмирует, что жизнь – это страдание. Но следующие истины постулируют то, что страдание можно преодолеть, и говорят, как именно. В то время как христианство ставит всем нам в упрек то, что за тысячелетия до нас бог терпел. А потому почему-то и нам велел. В итоге какая философия прокладывает путь к счастью: та, которая учит избавляться от страданий? Или та, которая учит терпеть? Кто счастливее: избавившийся от страда-

ний или терпила? Кроме того, буддизм дешевле: их храмы, одежды и ритуалы скромнее, его последователи сдержаннее в желаниях и спокойнее. Короче, и для народа выгода найдётся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.